

ИНОГДА
ЧТОБЫ НАЙТИ
СЕБЯ,
НУЖНО
ПОТЕРЯТЬ
ВСЁ

ДЕНЬГИ
ОПАСНОСТЬ
СВОБОДА
ЛЮБОВЬ

ИСПОВЕДЬ ЭСКОРТНИЦЫ

ПРАВДА,
КОТОРУЮ ПРИНЯТЬ
НЕПРОСТО

МУНИРА ВАГИНА

18+

Мунира Вагина

Исповедь эскортницы

<https://litres.ru/74449022>

SelfPub; 2026

Аннотация

В девятнадцать лет Алевтина приезжает в большой город с одним чемоданом и уверенностью, что самое трудное в новой жизни — поступить в университет и не разочаровать родителей. Но первая любовь заканчивается предательством, деньги — слишком быстро, а ночной клуб обещает то, чего ей так не хватает: независимость.

Так появляется Ева — красивое имя для жизни, где за внимание платят, желания имеют цену, а чужое «можно» всё чаще звучит громче её собственного «нет». От клуба до дорогих ужинов, от Москвы до ослепительного Дубая — шаг за шагом Алевтина оказывается в мире, который сначала кажется свободой, а потом превращается в клетку без замков.

Любовь, деньги, страх, контроль и право уйти — ей придётся заново понять смысл каждого из этих слов. И однажды решить: сколько стоит свобода, если цену назначают другие?

«Исповедь эскортницы» — психологический роман о женщине, которая потеряла себя под чужим именем и нашла силы вернуть собственное.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Один чемодан	5
Глава 2. Первая любовь	13
Глава 3. После любви остаются счета	22
Глава 4. Я туда никогда не пойду	34
Глава 5. Ева	48
Глава 6. Ночные мужчины	61
Глава 7. В восемь утра	75
Глава 8. Профессор Савельев	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Мунира Вагина

Исповедь эскортницы

Пролог

Меня зовут Алевтина. Но мужчины, о которых я собираюсь рассказать, почти никогда не называли меня этим именем. Для одних я была Алей. Для других — Евой. Для некоторых — просто девушкой, которую можно заказать на вечер, посадить рядом за стол и не слишком интересоваться тем, что она думает. Долгое время мне самой казалось, что эти имена принадлежат разным женщинам и что настоящая я остаётся где-то между ними, в безопасности. Я ошибалась. От себя невозможно уйти под другим именем. Можно только очень долго не смотреть назад. Эту историю я не писала, чтобы оправдаться. И не для того, чтобы кого-то обвинить. В ней были мужчины жестокие и мужчины добрые, люди слабые и люди опасные. Были мои ошибки, чужая власть, деньги, страх и любовь, которую я не всегда умела отличать от зависимости.

Я начинаю с девятнадцати лет — с одного чемодана, большого города и уверенности, что со мной ничего по-настоящему плохого случиться не может. Наверное, многие истории начинаются именно так.

Глава 1. Один чемодан

Если бы тогда, на вокзале, кто-нибудь сказал мне, что через несколько лет я буду бояться запертых дверей, мужских голосов за спиной и слишком дорогих подарков, я бы рассмеелась. В девятнадцать лет будущее казалось мне чем-то вроде большого города за стеклом поезда: ярким, далёким и обязательно моим. Я приехала в начале сентября. У меня был один чемодан, тяжёлый настолько, что ручка врезалась в ладонь, небольшая сумка через плечо и деньги, аккуратно разложенные матерью по двум конвертам. Один она подписала: «На первое время». На втором ничего не написала. Уже в поезде я поняла, что там лежит её собственный запас — тот самый, который она откладывала на зиму.

Я тогда ещё не знала, что чувство вины тоже может ехать с тобой в одном купе. Вокзал встретил меня шумом, запахом кофе и мокрого асфальта. Люди двигались быстро, словно каждый точно знал, куда ему нужно. Я одна стояла посреди потока и пыталась одновременно удержать чемодан, телефон и листок с адресом общежития. Навигатор показывал одно, женщина в справочном окне — другое, а мужчина у входа уверенно объяснял, что проще всего взять такси «всего за недорого». Я отказалась. Не потому, что была такой самостоятельной. Просто уже считала деньги.

До общежития я добиралась почти полтора часа. Сначала

ла метро, потом автобус, потом ещё десять минут пешком вдоль длинного серого забора. На середине пути одно колесо чемодана застряло в трещине. Я дёрнула сильнее, чем нужно, и едва не упала.

— Первый день в городе? — спросил кто-то сзади.

Я обернулась. Девушка с короткими светлыми волосами смотрела на меня с улыбкой. У неё на плече висел рюкзак, а в руке был стакан кофе.

— Так заметно?

— Очень. Через месяц будешь переступать через такие ямы и даже не смотреть вниз.

Она взялась за ручку чемодана с другой стороны.

— Давай. Я тоже туда.

Так я познакомилась с Катей. Мы оказались соседками по комнате. Катя была на год старше, училась на другом факультете и уже успела прожить в городе достаточно, чтобы говорить о нём как о человеке с трудным характером.

— Здесь главное не показывать, что ты потерялась, — сказала она, пока мы застилали кровати. — Даже если ты вообще не понимаешь, где находишься.

— А если правда не понимаешь?

— Тогда иди быстрее. Все подумают, что ты просто опаздываешь.

Я засмеялась. Мне понравилось, как легко она относилась ко всему, что меня пугало. Наша комната была маленькой: две кровати, два стола, шкаф, который скрипел так, будто

собирался рухнуть, и окно во двор. Из окна было видно другие окна — десятки одинаковых прямоугольников, в которых кто-то уже жил своей отдельной жизнью. Девушки красились, разговаривали по телефону, сушили волосы, ругались, смеялись. Мне вдруг стало спокойно. Я поставила на стол фотографию родителей. Мама на ней улыбалась, отец щурился от солнца. Снимок был сделан летом, у нашего дома. Там всё было знакомым: сирень возле забора, старая скамейка, окно кухни.

Катя заметила фотографию, но ничего не сказала. За это я сразу стала ей благодарна. На следующий день был первый день в университете. Я проснулась раньше будильника. Долго выбирала, что надеть, хотя выбирать особенно было не из чего. В конце концов остановилась на белой рубашке, тёмной юбке и туфлях, которые мама назвала «приличными». Перед зеркалом я выглядела слишком старательно. Катя, ещё лежавшая под одеялом, приоткрыла один глаз.

— Ты на лекцию или замуж?

— Очень смешно.

— Сними пиджак.

— Почему?

— Потому что в нём ты похожа на человека, который уже хочет стать заместителем декана.

Я сняла пиджак.

— Уже лучше. Теперь хотя бы похожа на студентку.

Университет оказался гораздо больше, чем я представля-

ла по фотографиям. Высокие двери, лестницы, длинные коридоры, аудитории с номерами, которые будто специально придумали, чтобы первокурсники никогда их не находили. Вокруг были люди, которые казались мне уверенными, красивыми и взрослыми. Позже я поняла, что половина из них тоже ничего не понимала. Просто они лучше это скрывали. Я опаздывала на первую лекцию. Аудитория 317 никак не находилась. Я дважды поднялась на третий этаж, один раз зачем-то оказалась возле кафедры иностранных языков, потом спустилась обратно и остановилась перед стендом с расписанием.

— Если смотреть на него ещё минут пять, аудитория сама не появится.

Голос прозвучал рядом. Я повернулась. Передо мной стоял высокий парень в тёмной футболке и джинсах. На плече у него висела сумка, а в руке был бумажный стаканчик кофе. Он смотрел на меня так спокойно, будто никуда не торопился.

— Я ищу триста семнадцатую.

— Это плохо.

— Почему?

— Потому что ты стоишь не в том корпусе.

Я почувствовала, как краснею. Он улыбнулся.

— Не переживай. На первом курсе это официально разрешено.

— А на втором?

— На втором уже стыдно.

Я невольно рассмеялась.

— Пойдём. Покажу.

Его звали Кирилл. Ему было двадцать два, он учился на четвёртом курсе. По дороге он успел рассказать, где дешевле покупать кофе, какой преподаватель любит опоздавших меньше остальных и почему в столовой нельзя брать рыбу по пятницам.

— Это тоже университетская традиция? — спросила я.

— Это инстинкт самосохранения.

Он довёл меня до нужной двери.

— Всё. Дальше сама.

— Спасибо.

— Не благодари. Когда станешь знаменитой, скажешь в интервью, что без меня не нашла бы первую аудиторию.

— А если я не стану знаменитой?

Кирилл пожал плечами.

— Тогда просто будешь должна мне кофе.

Я вошла в аудиторию, села на свободное место и ещё несколько минут чувствовала, как на лице держится улыбка. Лекция прошла мимо меня. Я записывала слова преподавателя, но мысли всё время возвращались к короткому разговору в коридоре. Не потому, что я уже влюбилась. До любви было далеко. Просто в чужом городе впервые появился человек, рядом с которым я перестала чувствовать себя потерянной. После занятий я долго ходила по центру одна. Мне

хотелось запомнить этот день целиком: дома, витрины, запах выпечки из маленькой пекарни, шум машин, трамвайный звон. Я купила самый дешёвый кофе и села на скамейку.

На другом конце улицы девушка в красном пальто смеялась рядом с мужчиной. Он что-то говорил ей на ухо. Она толкнула его плечом и снова засмеялась. Я смотрела на них и думала о том, что теперь моя жизнь тоже может стать какой угодно. Вечером мама позвонила первой.

— Доехала?

— Мам, я уже второй день здесь.

— Я знаю. Просто спрашиваю.

— Всё хорошо.

— Комната нормальная?

— Отличная.

Я посмотрела на трещину возле подоконника.

— Девочки хорошие?

— Очень.

— Ешь нормально?

— Конечно.

На столе передо мной лежал пакет лапши быстрого приготовления. Мама немного помолчала.

— Если что-то понадобится, скажи.

— Ничего не понадобится.

Я ответила слишком быстро. После разговора стало тяжело. Я достала второй конверт, тот самый без подписи, и пересчитала деньги. Затем убрала его глубоко в чемодан. Я ре-

шила, что не потрачу оттуда ни рубля. Это обещание я нарушила довольно скоро. Катя вернулась поздно, бросила сумку на кровать и посмотрела на меня.

— Ну? Как первый день большой жизни?

Я задумалась.

— Страшно.

— Это нормально.

— И интересно.

— Вот это уже опаснее.

Мы рассмеялись. Перед сном я долго смотрела в окно. Город не собирался засыпать. В домах горели окна, по дороге проезжали машины, где-то далеко звучала музыка. Мне казалось, что там, за стеклом, происходит настоящая жизнь, и мне наконец разрешили в неё войти. Я ещё не понимала, что большой город редко спрашивает, к чему ты готов. Он просто открывает двери. А дальше тыходишь сама. Телефон завибрировал почти в полночь. Номер был незнакомый.

«Ты всё-таки нашла свою аудиторию или тебя опять спасать?»

Я перечитала сообщение два раза и улыбнулась. Потом написала:

«Нашла. Кофе всё ещё должна?»

Ответ пришёл сразу:

«Теперь уже два».

Я положила телефон рядом с подушкой и закрыла глаза. В ту ночь мне казалось, что моя настоящая жизнь только на-

чинается.

Глава 2. Первая любовь

Кирилл написал мне на следующий день ещё до полудня. Я сидела на лекции, стараясь разбирать почерк преподавателя на доске, когда телефон коротко завибрировал в сумке. Сообщение было простым: «Кофе сегодня или долг растёт?» Я прочитала и сразу убрала телефон. Потом через минуту достала снова. Ответила только после пары: «А проценты большие?» «Разоришься», — пришло почти мгновенно. Я улыбнулась так заметно, что Катя, сидевшая рядом со мной в коридоре, прищурилась.

— Кто?

— Никто.

— Никто обычно не заставляет так смотреть в телефон.

Я не стала объяснять. Наверное, потому что боялась испортить что-то одним только произнесённым вслух словом. Мы встретились вечером возле университета. Кирилл пришёл без опоздания, что тогда показалось мне признаком почти невозможной мужской надёжности. В руках у него было два стакана кофе.

— Один мой, — сказал он. — Второй — в счёт твоего долга.

— А если я не выпью?

— Тогда будешь должна ещё один.

С ним всё казалось лёгким. Даже город, который ещё

неделю назад пугал меня размерами, вдруг стал понятнее. Кирилл показывал мне дворы, через которые можно было сокращать дорогу, маленькие кафе без ярких вывесок, набережную, где по вечерам почти не было туристов, книжный магазин в старом доме и лестницу, с которой открывался вид на половину центра.

— Ты всегда всех первокурсниц так развлекаешь? — спросила я однажды.

— Только тех, кто не умеет находить аудитории.

— Значит, мне повезло быть беспомощной.

— Очень.

Я толкнула его плечом. Он засмеялся. Первый поцелуй случился не на набережной и не под дождём, как потом почему-то представлялось мне в воспоминаниях. Всё было гораздо проще. Мы стояли у подъезда общежития. Кирилл говорил что-то про завтрашнюю пару, я почти не слушала. Он замолчал, посмотрел на меня и вдруг стал серьёзным.

— Ты сейчас опять думаешь слишком много.

— Откуда ты знаешь?

— У тебя лицо такое.

— Какое?

— Будто внутри тебя заседает комиссия.

Я засмеялась, и в этот момент он меня поцеловал. Потом я ещё долго стояла в коридоре общежития, не заходя в комнату. Мне казалось, что если открыть дверь, включить свет и увидеть привычные две кровати, шкаф и Катин халат на

спинке стула, всё волшебство закончится. Катя открыла сама.

— Ты собираешься ночевать в коридоре?

Я вошла.

— Ну? — спросила она.

— Что?

— Целовались?

Я покраснела. Катя закатила глаза.

— Всё понятно.

Мне было девятнадцать, и я впервые по-настоящему верила, что всё важное в жизни происходит именно сейчас. Кирилл стал занимать всё больше места в моих днях. Сначала мы встречались после занятий. Потом начали видаться утром. Он ждал меня возле корпуса, приносил кофе, иногда провожал до общежития. Я знала, какие песни он включает в наушниках, когда злится, что он не ест помидоры, терпеть не может слишком сладкий чай и боится собак, хотя категорически это отрицал. Он знал, что я звоню маме каждый вечер, что я плохо ориентируюсь в городе и что перед экзаменами начинаю есть всё подряд, даже если не голодна.

Мне нравилось быть для кого-то знакомой до мелочей. Наверное, именно это и есть одна из ловушек первой любви: тебе кажется, что человек, который знает, как ты пьёшь кофе, автоматически знает и то, как нельзя с тобой поступать. Я продолжала подрабатывать в кафе, но всё чаще просила поменять смену. Если Кирилл предлагал встретиться, мне

казалось почти невозможным сказать: «Я не могу, у меня работа». Сначала это было редко. Потом вошло в привычку.

— Ты опять снялась со смены? — спросила Катя, когда однажды увидела меня вечером у зеркала.

— Только сегодня.

— Ты так говорила позавчера.

— У нас с Кириллом дата.

— Какая?

— Два месяца.

Катя секунду молчала.

— А через три месяца ты работу уволишь?

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я спрашиваю.

Я тогда обиделась. Мне казалось, она завидует. Сейчас я понимаю: она просто видела то, чего я не хотела видеть. Мы с Кириллом проводили много времени вместе, но о будущем почти не говорили. Я сама додумывала то, чего он не обещал. Представляла, что он закончит университет, найдёт работу, я доучусь, мы снимем квартиру. Иногда даже ловила себя на том, что мысленно выбираю район, где мы будем жить. При этом Кирилл никогда не говорил: «Мы будем вместе». Он говорил: «Завтра увидимся», «На выходных поедem», «Летом можно куда-нибудь выбраться». Я складывала эти маленькие «завтра» в одно большое «навсегда».

Первые изменения были почти незаметными. Он стал реже ждать меня после занятий.

— Дел много, — говорил Кирилл.

Потом начал отменять встречи.

— Устал.

Телефон, который раньше лежал на столе экраном вверх, однажды оказался перевернут. Я заметила это сразу и тут же рассердилась на себя за то, что заметила.

— Что с тобой? — спросил он.

— Ничего.

— Вот и хорошо.

Мне не понравилось, как быстро его устроил этот ответ. Однажды я позвонила ему вечером. Он не ответил. Через час написал: «Был занят».

— Чем? — спросила я на следующий день.

— Делами.

— Какими?

Он посмотрел на меня с лёгким раздражением.

— Аля, ты теперь будешь спрашивать, где я каждую минуту?

— Я просто спросила.

— Вот и я просто ответил.

Я замолчала. Через несколько минут Кирилл снова стал обычным: шутил, держал меня за руку, рассказывал про своего преподавателя. И я решила, что сама всё придумала. Так бывает очень часто. Сначала человек ранит тебя совсем немного, а потом делает что-то привычно хорошее — и ты сама убеждаешь себя, что боли не было. Деньги тем време-

нем заканчивались быстрее, чем я рассчитывала. Несколько смен я пропустила, ещё одну отдала другой официантке, потому что Кирилл пригласил меня на день рождения друга. Я купила новое платье — недорогое, но всё равно слишком дорогое для меня тогда.

— Красивое, — сказала Катя. — На что теперь жить будешь?

— Получу зарплату.

— Когда?

— Через неделю.

— А до неё?

Я пожала плечами.

— Разберусь.

Вечеринка проходила в квартире на другом конце города. Там было шумно, тесно и весело. Кирилл почти всё время находился рядом со своими друзьями. Я никого не знала, старалась улыбаться и не показывать, что чувствую себя лишней. В какой-то момент к Кириллу подошла высокая тёмноволосая девушка. Она обняла его слишком свободно, как обнимают людей, которых знают давно.

— Это Лера, — сказал он. — Мы вместе учились на подготовительных.

Лера посмотрела на меня.

— А это?

Кирилл на секунду замешкался. Совсем на секунду.

— Аля.

Не «моя девушка». Не «мы встречаемся». Просто Аля. Тогда я сделала вид, что не заметила. После вечеринки мы шли к метро. Я спросила:

— Почему ты не сказал, что мы вместе?

— Кому?

— Лере.

Кирилл усмехнулся.

— А должен был объявить всем официально?

— Нет. Просто...

— Аля, не усложняй.

Эта фраза потом звучала в моей жизни ещё много раз. Обычно мужчины произносили её именно тогда, когда хотели, чтобы сложной проблемой считалась не их поступок, а твоя реакция на него. Через несколько дней Кирилл снова пропал вечером. На этот раз я не звонила. Я сидела в общезнании над конспектами и пыталась читать одну и ту же страницу. Телефон лежал рядом. Каждые несколько минут я смотрела на экран. Катя наблюдала за мной молча.

— Можешь сказать, — не выдержала я.

— Что?

— Что я дура.

— Не скажу.

— Почему?

— Потому что сама скажешь, если понадобится.

Я закрыла книгу.

— Мне кажется, что у него кто-то есть.

Катя не удивилась. Это напугало меня больше всего.

— Ты что-то знаешь?

— Нет.

— Но думаешь так же?

— Я думаю, что если рядом с человеком тебе всё время приходится убеждать себя, что всё нормально, значит, что-то уже ненормально.

Я разозлилась.

— Ты его не любишь.

— Конечно не люблю. Поэтому мне проще смотреть.

Я не разговаривала с Катей до утра. Через два дня Кирилл сам написал: «Увидимся?» Я ответила сразу. Мы встретились возле университета. Он был привычно ласков, обнял меня, поцеловал в висок и сказал, что скучал. Всё моё раздражение исчезло почти мгновенно. Мне было стыдно за собственные подозрения. В тот вечер он снова был таким, каким я его любила: внимательным, лёгким, смешным. Мы сидели в кафе почти до закрытия, спорили о кино, потом долго шли пешком. Перед общежитием Кирилл сказал:

— Вот видишь. А ты наверняка опять что-нибудь себе придумала.

Я посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь?

— Я тебя уже изучил.

Мне тогда показалось, что это нежность. На следующий день у меня была свободная пара. Я решила зайти в книж-

ный магазин, который Кирилл однажды показывал мне. День был холодный, но солнечный. Я шла по другой стороне улицы и увидела его раньше, чем он меня. Сначала даже обрадовалась. Хотела окликнуть. Потом заметила девушку рядом. Это была Лера. Они стояли у витрины маленького кафе. Она что-то говорила, Кирилл смеялся. Потом Лера поправила ему воротник пальто — легко, привычно, будто делала это не первый раз. Я остановилась.

Можно было ещё придумать объяснение. Старые друзья. Случайная встреча. Ничего особенного. Я уже почти убедилась. И тогда Кирилл наклонился и поцеловал её. Не дружески. Не в щёку. Мир не рухнул. Машины продолжали ехать. Люди проходили мимо. Кто-то смеялся. У светофора загорелся зелёный. Просто у меня внутри вдруг стало очень тихо. Я стояла на другой стороне улицы и смотрела на человека, вокруг которого несколько месяцев строила своё маленькое будущее. Он меня не заметил. Наверное, это было даже хорошо. Потому что в ту секунду я ещё не знала, что скажу ему при встрече.

Я знала только одно. Домой я вернусь уже другой.

Глава 3. После любви остаются счета

Я не помню, как дошла от той улицы до общежития. Помню только лица прохожих, которые почему-то раздражали меня своей обычностью. Кто-то разговаривал по телефону, кто-то нёс пакет с продуктами, кто-то смеялся. Мир продолжался так, будто ничего не произошло. А для меня произошло. Я увидела Кирилла с другой женщиной. Не услышала слух, не прочитала чужую переписку, не догадалась по перевёрнутому экрану телефона. Увидела сама. Иногда правда оказывается почти удобной именно потому, что после неё уже невозможно спорить с собой.

В комнате была только Катя. Она сидела на кровати с ноутбуком на коленях, но, взглянув на меня, сразу закрыла крышку.

— Что случилось?

Я сняла пальто и повесила его мимо крючка. Оно упало на пол. Поднимать я не стала.

— Я видела его.

Катя молчала.

— С Лерой.

Она всё ещё ничего не сказала.

— Они целовались.

Только тогда Катя встала и подошла ко мне.

— Аля...

— Не надо.

Мне не хотелось, чтобы меня жалели. Жалость в тот вечер казалась чем-то почти унижительным, как будто она подтверждала: со мной действительно сделали то, чего я сама боялась признать. Я села на край кровати.

— Может, я что-то не так поняла.

Катя посмотрела на меня очень внимательно.

— Ты видела, как они целовались?

— Да.

— Тогда что именно тут можно понять не так?

Я опустила глаза. Наверное, мне хотелось, чтобы она придумала за меня оправдание. Любое. Случайность. Ошибку. Глупую игру. Что-нибудь, что позволило бы вернуть вчерашний день. Но вчерашнего дня уже не было. Я написала Кириллу сама.

«Нам надо поговорить».

Он ответил через двадцать минут.

«Сейчас не могу. Завтра?»

Я смотрела на эти два слова и чувствовала, как во мне вместо боли медленно появляется злость.

«Сегодня».

Он позвонил почти сразу.

— Что случилось?

— Я видела тебя.

Пауза длилась совсем недолго.

— Где?

— С Лерой.

На этот раз пауза стала длиннее.

— Аля, давай не по телефону.

— Почему? Ты по телефону не можешь объяснить, почему целовал другую?

Он выдохнул.

— Мы завтра поговорим.

— Нет. Сейчас.

— Хорошо. Я приеду.

Он появился через сорок минут. Мы вышли из общежития и остановились возле пустой детской площадки. Было холодно. Я не застегнула пальто и сразу замёрзла, но не хотела возвращаться за шарфом. Кирилл выглядел раздражённым, а не виноватым. Это ранило сильнее, чем я ожидала.

— Ты мне изменял? — спросила я.

— Давай сначала без истерики.

— Я не устраиваю истерику.

— Ты вытащила меня вечером через весь город.

— Я увидела, как ты целовал другую девушку.

Он провёл ладонью по лицу.

— У нас с Лерой давно всё сложно.

— У вас?

— Да.

— А у нас тогда что?

Кирилл посмотрел на меня так, будто вопрос его утомил.

— Аля, мы встречались.

— Встречались?

— Ну да.

— А сейчас?

— Сейчас ты превращаешь всё в драму.

Я почувствовала, что начинаю дрожать, и уже не понимала, от холода или от злости.

— Ты мне изменял?

Он наконец посмотрел прямо.

— Мы что, были женаты?

Есть фразы, которые человек произносит за несколько секунд, а потом они остаются с тобой на годы. Не потому, что особенно умны. Наоборот. Потому, что в них вдруг помещается вся правда о том, как мало значило для другого то, что для тебя было почти целой жизнью. Я не заплакала.

— Понятно.

— Аля, ну не начинай.

— Я закончила.

Он шагнул ко мне.

— Давай нормально поговорим.

— Мы уже поговорили.

— Ты сейчас ведёшь себя как ребёнок.

Я усмехнулась.

— Может быть. Мне девятнадцать.

Кирилл замолчал. Я развернулась и пошла к общежитию.

Он не догнал. И это тоже стало ответом. Той ночью я плакала долго и некрасиво. Не как в кино, где женщина сидит у окна с одной красивой слезой. Я задыхалась, злилась на себя, на Кирилла, на Леру, на весь город. Катя молча поставила рядом кружку воды и легла на свою кровать, отвернувшись к стене, чтобы не мешать мне чувствовать себя одной. Утром всё оказалось ещё хуже. Потому что утром надо было вставать. Нужно было умыться, надеть одежду, пойти на занятия, отвечать людям «нормально», когда они спрашивали, как дела. Боль, которая ночью казалась огромной, утром должна была somehow поместиться между первой и второй парой.

Я удалила переписку с Кириллом. Потом восстановила из корзины несколько фотографий. Потом снова удалила. На лекции я ни разу не открыла тетрадь. После занятий зашла в туалет и увидела себя в зеркале. Глаза опухли, волосы были собраны кое-как, на щеке отпечаталась складка шарфа. Я вдруг подумала: «Он сейчас, наверное, живёт обычный день». Эта мысль оказалась почти невыносимой. Вечером позвонила мама.

— Ты простыла? Голос странный.

— Немного устала.

— Учёба тяжёлая?

— Нормально.

Я уже научилась говорить это слово так, чтобы оно ничего не значило.

— Денег хватает?

Я посмотрела на кошелёк.

— Хватает.

Это была вторая ложь за одну минуту. На следующий день я впервые за долгое время открыла банковское приложение и внимательно посмотрела на остаток. Цифра была маленькой. Слишком маленькой. Я вспомнила все пропущенные смены. Платье для дня рождения Кириллова друга. Кофе, такси, подарки, еду на двоих, которую иногда оплачивала я, потому что мне хотелось быть «не такой девушкой, которая всё ждёт от мужчины». Любовь закончилась, а расходы почему-то остались. Через неделю нужно было платить за комнату. Ещё нужны были проездной, продукты и учебные материалы. В университете предупредили о покупке нескольких пособий. Я записала суммы на листке, сложила и пересчитала ещё раз, будто арифметика могла передумать.

Не могла.

— Сколько? — спросила Катя.

— Ничего.

— Аля.

Я показала ей листок. Она присвистнула.

— Ты смены брала?

— Меня пока мало ставят.

— Попроси больше.

— Попрошу.

На следующий день я пришла в кафе раньше и дождалась

администратора.

— Светлана Викторовна, можно мне больше смен?

Она подняла глаза от графика.

— Ты же сама последние недели просила тебя менять.

— Теперь могу работать.

— Теперь у меня девочки набраны.

— Хотя бы две дополнительные.

Она задумалась.

— В пятницу можешь выйти до закрытия.

— Могу.

— И в воскресенье.

— Да.

Я согласилась бы тогда и на понедельник, и на вторник, и на сутки подряд. Первые дни работа даже помогала. Пока я носила тарелки, вытирала столы, принимала заказы и улыбалась посетителям, времени думать о Кирилле почти не оставалось. Но вечером я возвращалась в общежитие, и он снова появлялся в голове. Однажды написал.

«Ты как?»

Я долго смотрела на сообщение. Хотела ответить: «Плохо». Потом: «Отлично». Потом написать всё, что думала. В итоге не ответила ничего. Через час пришло ещё одно.

«Не злись».

Я заблокировала номер. Это было первое маленькое решение, которое я приняла только ради себя. Денег всё равно не хватало. Я стала считать каждую мелочь. Перестала поку-

пать кофе в университете. Ездила лишнюю остановку пешком. В столовой брала самое дешёвое. Однажды целый день прожила на яблоке, булочке и чае. Катя заметила.

— Ты ела сегодня?

— Конечно.

— Что?

— Не устраивай допрос.

Она открыла свою полку, достала упаковку макарон.

— Будешь?

— Нет.

— Тогда я сварю слишком много, а ты случайно съешь.

Я улыбнулась.

— Хорошо.

В конце месяца хозяйка комнаты, которую мы снимали после временного общежития на двоих с Катей, написала, что со следующего месяца плата повышается. Я перечитала сообщение три раза.

— Всё, — сказала я.

— Что? — спросила Катя.

Я протянула ей телефон. Она прочитала.

— Неприятно.

— Неприятно? У меня денег нет.

— Что-нибудь придумаем.

— Что?

Катя пожала плечами.

— Можно поискать дешевле.

— И жить где? На окраине вчетвером?

— Можно найти подработку.

— Я уже работаю.

Я сказала это резче, чем хотела. Катя ничего не ответила.

Мне стало стыдно.

— Прости.

— Ничего.

Я села рядом.

— Просто я устала.

— Я вижу.

В университете тоже стало хуже. Из-за ночных смен я несколько раз опоздала на первую пару. Один преподаватель сделал замечание. Другой предупредил, что пропуски повлияют на допуск к зачёту. Я начала жить по странному расписанию: утром учёба, днём библиотека, вечером кафе, ночью дорога домой, несколько часов сна — и снова университет. Иногда в автобусе я закрывала глаза и просыпалась на своей остановке только потому, что водитель громко объявлял конечную. Однажды на работе я перепутала два заказа. Посетитель возмутился.

— Девушка, вы вообще слушаете?

— Простите.

— Я двадцать минут жду.

— Сейчас всё исправлю.

Администратор отвела меня в сторону.

— Ещё одна такая ошибка — и уйдёшь домой.

— Я поняла.

— Ты в последнее время вообще здесь?

Я хотела ответить, что физически — да. Но промолчала. После смены мне выдали зарплату. Я вышла на улицу, села на остановке и сразу пересчитала деньги. Потом ещё раз. Даже с зарплатой до нужной суммы не хватало. Я достала телефон. Могла позвонить маме. Представила, как она скажет: «Конечно, доченька». Потом откроет свой шкаф, достанет конверт или пойдёт занимать у соседки. Я убрала телефон.

Нет.

Я сама хотела этой взрослой жизни. Значит, должна была сама в ней удержаться. Через несколько дней начальник в кафе сообщил, что в следующем месяце смен будет меньше.

— Почему?

— Несезон. И людей много.

— Мне очень нужны часы.

— Всем нужны.

Он уже смотрел мимо меня. Я вышла из кабинета и почувствовала почти физическую панику. До оплаты комнаты оставалось девять дней. В тот вечер мы с Катей сидели на кухне. Она красила ногти тёмным лаком, я раскладывала перед собой деньги и чеки.

— Если не хватит, я могу занять, — сказала она.

— У тебя самой немного.

— Переживём.

— Нет.

— Почему ты всё время «нет»?

— Потому что я не хочу жить в долг.

Катя усмехнулась.

— Взрослая жизнь тебя разочарует. Здесь половина людей живёт в долг.

Я не улыбнулась. Она посмотрела на мои расчёты.

— Слушай... есть одна работа.

Я подняла голову.

— Какая?

Катя замялась впервые с тех пор, как я её знала.

— Тебе не понравится.

— Почему?

— Потому что ты сейчас сразу скажешь «нет».

— Сначала скажи.

Она закрыла флакон лака.

— У знакомой девочки есть место в клубе. Ночью.

— Каком клубе?

Катя посмотрела прямо на меня.

— Стриптиз.

Я даже рассмеялась.

— Нет.

— Я же говорила.

— Катя, ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Я туда не пойду.

— Хорошо.

— Никогда.

— Я поняла.

Меня почему-то разозлило её спокойствие.

— И вообще, почему ты решила, что я могу там работать?

— Потому что ты красивая.

— Очень смешно.

— Я не шучу.

— И что там делать?

Катя чуть улыбнулась.

— Ты же туда никогда не пойдёшь. Зачем тебе знать?

Я встала из-за стола.

— Правильно. Не надо.

В комнате я легла, но долго не могла уснуть. За стеной кто-то смеялся. Во дворе хлопнула дверь машины. Телефон показывал два часа ночи. Я думала о Кирилле. О деньгах. О матери. О хозяйке квартиры. О сменах, которых больше не будет. А потом — против своей воли — вспомнила Катину фразу.

«За ночь там можно заработать столько, сколько здесь за неделю».

Я повернулась к стене и закрыла глаза.

Нет.

Я туда никогда не пойду.

Глава 4. Я туда никогда не пойду

Утром я проснулась раньше будильника и первым делом вспомнила Катину фразу. Это разозлило меня сильнее, чем если бы она повторила её вслух. Стриптиз-клуб. Само слово казалось чужим, неприятным и каким-то липким. Я знала о таких местах примерно столько же, сколько большинство девятнадцатилетних девушек, никогда там не бывавших: неон, музыка, мужчины за столиками, девушки в туфлях на невозможных каблуках. Всё остальное дорисовывало воображение. Я повернулась на другой бок.

Нет.

Даже думать об этом было смешно. Через десять минут я открыла банковское приложение. Цифры за ночь не изменились. Я закрыла телефон и пошла умываться. Катя уже стояла на кухне и делала кофе. Она посмотрела на меня, но тему вчерашнего разговора не подняла. Меня это одновременно успокоило и почему-то задело.

— Ты сегодня во сколько? — спросила она.

— К девяти.

— На пары?

— Да. Потом кафе.

— Поздно вернёшься?

— Наверное.

Катя кивнула. Никаких клубов. Никаких «знакомых де-

вочек». Обычное утро. Я почти убедила себя, что разговор закончен. До вечера. В кафе было пусто. За три часа смены я обслужила семь столиков и дважды вытерла уже чистую стойку. Администратор сидела с бухгалтерией и даже не пыталась делать вид, что посетителей вот-вот станет больше. Я поймала её возле служебной комнаты.

— Светлана Викторовна, а завтра можно выйти?

— Завтра Аня.

— А послезавтра?

— Лена.

— Может, кому-нибудь нужна замена?

Она посмотрела на меня с лёгким раздражением.

— Аля, я же говорила. Сейчас смен мало. Если что-то появится — напишу.

— Хорошо.

Я улыбнулась так, как положено улыбаться начальству, и вернулась в зал. Через час одна пара оставила на столе чаевые. Я посмотрела на купюру и машинально прикинула, сколько таких столов мне нужно обслужить, чтобы заплатить только за комнату. Получалось слишком много. Домой я вернулась после одиннадцати. Катя уже спала. На столе лежала записка: «Макароны в холодильнике. Не делай вид, что не голодная». Я усмехнулась, разогрела тарелку и ела в темноте, чтобы не будить её. На следующий день хозяйка комнаты позвонила сама.

— Алевтина, вы сообщение видели?

— Да.

— Тогда я надеюсь, что с первого числа будет новая сумма.

— Мы не договаривались о повышении так быстро.

— Цены меняются.

— Но у нас же...

— Если вам дорого, я пойму. Желающих много.

Она сказала это спокойно, без грубости. Так спокойно, что спорить было почти невозможно.

— Можно хотя бы оставить прежнюю цену ещё на месяц?

— Нет, к сожалению.

— Понятно.

После разговора я долго смотрела на экран.

«Если вам дорого, я пойму».

В переводе это означало: уходите. На лекции преподаватель рассказывал о профессиональной этике. Я записала заголовки и дальше почти ничего не слышала. В тетради вместо конспекта появились цифры. Аренда. Проезд. Продукты. Учебники. Телефон. Я сложила всё ещё раз. Не сходилось. Вечером позвонила мама.

— Ты голосом какая-то уставшая.

— Учёбы много.

— Может, тебе денег прислать?

Я замерла. Иногда родители чувствуют именно то, что ты изо всех сил пытаешься скрыть.

— Не надо.

— Точно?

— Точно.

— У нас есть немного.

Я знала, что значит её «немного». Это значит, что они отложат коммунальные платежи или отец снова будет ходить в старых ботинках ещё один сезон.

— Мам, у меня всё нормально.

— Только не геройствуй.

— Не буду.

Я закончила разговор и села на кровать. Катя красилась перед зеркалом. На ней было короткое чёрное платье, которое я раньше не видела.

— Куда ты?

— Встречусь с девчонками.

— С какими?

— С работы.

Я подняла голову.

— С какой работы?

Катя на секунду задержала взгляд в зеркале.

— Не делай такое лицо.

— Какое?

— Будто сейчас начнёшь допрос.

Я встала.

— Ты тоже там работаешь?

— Иногда.

— В клубе?

— Да.

Я смотрела на неё, пытаюсь совместить привычную Катю — ту, которая ругалась на преподавателей, варила макароны и разбрасывала носки по комнате, — с придуманной мной картинкой ночного клуба.

— И ты мне не говорила?

— А должна была?

— Не знаю.

— Вот именно.

Она застегнула серьгу.

— Ты же вчера сразу сказала, что никогда туда не пойдёшь. Я не собиралась тебя уговаривать.

— И как там?

Вопрос вылетел раньше, чем я успела остановиться. Катя улыбнулась.

— А зачем тебе знать?

— Просто интересно.

— Там работа.

— Это не ответ.

— Потому что ты ждёшь чего-то либо ужасного, либо очень красивого. А там ни то ни другое. Там люди. Музыка. Уставшие ноги. Мужчины, которые думают, что они очень оригинальные. Девушки, которые считают чаевые.

— Тебя кто-нибудь заставляет что-то... делать?

Катя повернулась ко мне.

— Нет. В нашем клубе есть правила. Танец — это танец.

Общение — общение. Остальное — личное дело каждого и уже не работа клуба.

— А если мужчина пристаёт?

— Для этого есть охрана.

Я молчала.

— Аля, я правда не зову тебя туда, — сказала она мягче.

— Просто ты спросила.

— Сколько ты получаешь?

Вот после этого вопроса назад уже было трудно сделать вид, что мне просто любопытно. Катя назвала сумму. Я решилась, что ослышалась.

— За месяц?

Она рассмеялась.

— За хорошую ночь.

— Не может быть.

— Может. Не всегда. Иногда меньше. Иногда вообще почти ничего. Но хорошие выходные — нормально.

Я села. Сумма была больше моей недельной зарплаты в кафе. Намного больше. Катя накинула пальто.

— Не считай сейчас. Я вижу, как у тебя глаза работают.

— Я не считаю.

— Конечно.

Дверь за ней закрылась. Я достала листок со своими расходами. Посмотрела. Потом отложила. Через минуту снова взяла. Я ненавидела себя за то, что уже делила сумму аренды на количество возможных ночей. Следующие два дня я

пыталась решить проблему обычными способами. Позвонила по объявлениям о подработке. В одном месте требовался продавец на полный день, что было несовместимо с университетом. В другом обещали «гибкий график», который после пяти минут разговора оказался шестью днями в неделю. В третьем предложили распространять листовки на улице за сумму, которой едва хватило бы на проезд и обед.

Я даже сходила на собеседование в небольшой магазин одежды.

— Студентка? — спросила управляющая.

— Да.

— Нам нужен человек до десяти вечера.

— Я могу после занятий.

— Каждый день?

— Не каждый.

— Тогда не подойдёт.

Я вышла на улицу и почувствовала, что город будто специально проверяет, сколько раз я ещё готова услышать «не подойдёт». В тот же вечер в кафе мне сообщили, что воскресную смену отдали другой девушке.

— Почему?

— У неё опыт больше.

— Но я стояла в графике.

— Поменяли.

— Мне никто не сказал.

Администратор пожала плечами.

— Теперь говорю.

Я вышла через служебную дверь и несколько минут стояла на холоде без куртки. Мне хотелось закричать. Не на администратора. Не на хозяйку комнаты. Не на Кирилла. Просто куда-нибудь. Но я вернулась за курткой и поехала домой. На третий день пришло сообщение от Кирилла. Другой номер.

«Можно нормально поговорить?»

Я поняла, что он понял: старый номер заблокирован. Несколько секунд я смотрела на экран. Потом написала:

«Не о чем».

Он ответил:

«Ты всё слишком драматизируешь».

Я рассмеялась. В автобусе. Одна. Женщина напротив посмотрела на меня с удивлением. Мне вдруг стало очень легко. Я удалила сообщение и заблокировала новый номер. Наверное, в тот момент я впервые почувствовала, что могу закрыть одну дверь сама. Проблема была в том, что за ней оставались другие. Вечером Катя считала деньги на столе. Я старалась не смотреть.

— Нормально прошло? — спросила я.

— Нормально.

— Много людей?

— Пятница же.

Она пересчитала купюры ещё раз и убрала их в конверт.

— Тяжело?

Катя взглянула на меня.

— Ноги болят.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно. А что ты хочешь услышать?

— Не знаю.

Она помолчала.

— Бывают хорошие вечера. Бывают мерзкие мужчины. Бывают смешные. Бывают такие, которые приходят, садятся и два часа рассказывают, как жена их не понимает. Бывает, что вообще никого нет. Это работа, Аля. Не сказка и не ад каждую минуту.

— А тебе не стыдно?

Я пожалела о вопросе сразу. Катя не обиделась.

— Иногда было. В начале. Потом я поняла, что стыдно мне почему-то должно быть перед людьми, которые сами туда приходят. И перестала.

Я опустила глаза.

— Прости.

— Ничего.

Она убрала конверт в сумку.

— Самое важное — понимать, что ты делаешь и зачем. Если не можешь себе ответить, лучше не начинать.

Ночью я долго не спала. Я пыталась ответить.

Зачем?

Не ради красивой жизни. Не ради дорогой одежды. Не ради мужчин. Мне нужно было просто прожить следующий месяц. От этой мысли становилось ещё страшнее, потому что

она звучала слишком разумно. На следующий день я открыла чемодан и достала тот самый второй конверт, который мама положила без подписи. Пересчитала деньги. Их хватало почти на аренду. Почти. Я сидела на полу и держала купюры в руках. Если я возьму их, родители никогда не узнают. Мама не спросит. Я смогу продержаться ещё немного. Я уже потянулась за кошельком.

Потом вспомнила отца, который прошлой зимой подклеивал подошву ботинка на кухне и смеялся, что «ещё сезон выдержат». Я положила деньги обратно. Закрыла чемодан. В понедельник хозяйка снова написала:

«Напоминаю по оплате. Если не получается, скажите заранее, у меня есть другие желающие».

В кафе новых смен не появилось. На карте оставалась сумма, которой хватало на несколько дней. В университете объявили, что к следующей неделе нужно купить ещё одно пособие. Я вышла после занятий и долго шла пешком, хотя могла проехать две остановки на автобусе. Было уже темно. В витринах магазинов стояли манекены в пальто, которые стоили больше, чем все мои деньги. В кафе сидели люди, заказывавшие ужин без необходимости считать, сколько останется после него. Я впервые почувствовала не зависть. Усталость. Мне надоело считать.

Надоело выбирать между едой и проездом. Надоело каждый день доказывать самой себе, что я справлюсь. Когда я вошла в комнату, Катя разговаривала по телефону.

— Да, в четверг могу... Нет, она новенькая... Поняла... Хорошо.

Она закончила разговор. Я сняла пальто. Постояла несколько секунд.

— Кать.

— М?

Я почувствовала, как сердце начинает биться быстрее. Будто собиралась не задать вопрос, а прыгнуть с высоты.

— Тот клуб...

Катя не шевельнулась.

— Что клуб?

— Там сейчас нужны девушки?

Она внимательно посмотрела на меня.

— Аля, не надо, если ты только из-за паники.

— Я не из-за паники.

Это была неправда. Конечно, из-за неё.

— Вчера ты говорила, что никогда не пойдёшь.

— Я много чего говорила вчера.

Катя помолчала.

— Ты уверена?

Я хотела сказать «да». Но честнее было другое.

— Нет.

Она чуть кивнула.

— Тогда хотя бы не врёшь.

Я села напротив.

— Мне просто нужно узнать. Посмотреть. Если не понра-

вится — уйду.

— Уйдёшь сразу.

— Да.

— И никому ничего не должна.

— Да.

Катя взяла телефон.

— Я могу написать администратору. Но там сначала разговор и просмотр. Никто не обещает, что тебя возьмут.

Мне стало почти обидно.

— А почему могут не взять?

Катя рассмеялась.

— Вот теперь узнаю тебя.

— Я серьёзно.

— Потому что это работа, а не конкурс красоты. Нужно уметь двигаться, разговаривать, не бояться людей.

— Танцевать я умею.

— Это мы ещё увидим.

Она что-то написала. Через несколько минут телефон завибрировал. Катя прочитала ответ.

— Завтра в семь. Служебный вход.

У меня похолодели ладони.

— Так быстро?

— А чего ты ждала? Собеседования через месяц?

Я встала и подошла к окну. Во дворе проехала машина. На первом этаже кто-то курил у подъезда. Всё было обычным.

— Я могу не идти? — спросила я.

— Можешь.

— Даже если ты уже договорилась?

— Конечно.

Я повернулась.

— Хорошо.

Катя посмотрела на меня.

— Что хорошо?

— Пойду.

На следующий день к шести вечера я уже три раза передумала. Сначала решила, что не пойду вообще. Потом — что дойду до клуба и посмотрю снаружи. Потом — что зайду только поговорить. На последней паре преподаватель что-то объяснял у доски, а я смотрела на часы. В половине шестого пришло сообщение от Кати:

«Я буду внутри. Если испугаешься — позвони».

Я не ответила. В метро мне казалось, что все знают, куда я еду. Я даже несколько раз проверила, не слишком ли ярко нарядилась. Потом стёрла помаду салфеткой. Через две станции снова нарядила. Клуб находился в центре, но не на самой шумной улице. С фасада он выглядел почти незаметно: тёмные окна, небольшая вывеска, мужчина у главного входа. Я прошла мимо. Сделала круг вокруг квартала. Вернулась. Снова прошла мимо. Телефон показывал без пяти семь. Я могла развернуться. Никто бы меня не остановил. Катя не осудила бы.

Мама ничего не знала. Даже администратор клуба ещё

не знала моего имени. У меня оставалось пять минут, чтобы снова стать девушкой, которая сказала: «Я туда никогда не пойду». Я стояла на противоположной стороне улицы и смотрела на тёмную дверь служебного входа. Потом загорелся зелёный. Я перешла дорогу. Подошла к двери. На ней не было вывески. Только маленький звонок. Я подняла руку. На секунду остановилась. А потом нажала. Через три дня после того, как я сказала Кате «никогда», я стояла перед чёрной дверью без вывески и ждала, когда мне откроют.

Глава 5. Ева

Дверь открыла женщина лет тридцати пяти в чёрном брючном костюме. Она окинула меня быстрым взглядом, задержалась на туфлях, потом на лице и спросила:

— К Кате?

— Да.

— Заходи.

Я переступила порог и сразу почувствовала запах, который потом ещё долго ассоциировался у меня с ночной работой: духи, лак для волос, табачный дым, кофе и что-то сладкое, тяжёлое, будто воздух сам был густым. Коридор оказался узким и неожиданно будничным. Никакого красного бархата, никакой музыки, никакого полумрака. Серые стены, зеркало в полный рост, вешалка, несколько дверей. Из-за одной доносился женский смех.

— Телефон на беззвучный, — сказала женщина. — Меня зовут Ирина. Я администратор. Катя предупредила, что ты придёшь посмотреть.

Слово «посмотреть» мне понравилось. Оно ничего не обещало. Можно было посмотреть и уйти.

— Я не знаю, подойду ли, — сказала я.

— Это мы обе пока не знаем.

Ирина сказала это спокойно, без улыбки и без попытки меня ободрить. Почему-то именно это немного успокоило.

Она провела меня в небольшую комнату. За столом сидели две девушки. Одна красила ресницы, другая ела салат из пластикового контейнера. На спинке стула висел короткий блестящий костюм, рядом стояли туфли на каблуках такой высоты, что я невольно посмотрела на них дважды.

— Новенькая? — спросила девушка с тушью.

— Возможно, — ответила Ирина.

— Тогда сочувствую ногам.

Все засмеялись, кроме меня. Я стояла у двери, не зная, куда деть руки.

— Расслабься, — сказала вторая девушка. — Здесь никто не кусается. Почти.

Ирина бросила на неё предупреждающий взгляд.

— Не начинай.

Катя появилась через минуту. На ней были джинсы и обычная футболка. Увидев меня, она улыбнулась так, будто мы встретились в университетской столовой.

— Пришла всё-таки.

— Только посмотреть.

— Конечно.

Она произнесла это слишком спокойно.

— Что?

— Ничего. Я тоже когда-то пришла только посмотреть.

Я уже хотела ответить, но Ирина хлопнула ладонью по столу.

— Девочки, разговоры потом. Аля, пройдем.

Мы вышли в другой коридор. За тяжёлой дверью музыка стала громче. Бас отдавал в груди. Ирина открыла дверь совсем немного, и я впервые увидела зал. Столы, мягкие диваны, барная стойка, сцена, свет. Мужчин было немного. Кто-то разговаривал, кто-то смотрел на девушку у пилона, кто-то вообще сидел, уткнувшись в телефон. Я ожидала увидеть что-то страшное или развратное. Вместо этого увидела людей, которые выглядели почти скучающими. Это сбilo меня сильнее, чем если бы всё оказалось именно таким, как я боялась.

— Правила простые, — сказала Ирина. — Танцы на сцене, приватные танцы, общение с гостями. Никаких обязательств за пределами клуба. Если мужчина ведёт себя плохо — зовёшь охрану или администратора. Не споришь, не доказываешь, не геройствуешь.

Я сразу вспомнила, как несколько дней назад Катя сказала почти то же самое: здесь не надо никого спасать.

— А если я не хочу приватный танец?

— Тогда не танцуешь. Но если будешь всё время говорить «не хочу», много не заработаешь.

Это прозвучало честно.

— Здесь есть штрафы?

— Есть за опоздания, ссоры, пьянство на работе, хамство гостям. Всё расскажу, если возьмём.

— А если я захочу уйти?

Ирина посмотрела на меня чуть внимательнее.

— Уйдёшь.

Ответ был настолько простым, что я почувствовала себя глупо. Тогда я ещё не знала, как сильно в будущем буду ценить двери, которые действительно можно открыть самой. Мы вернулись в гримёрную.

— Танцуешь? — спросила Ирина.

— В смысле?

— В обычном. Музыку слышишь? Покажи, как двигаешься.

Я почувствовала, что краснею.

— Прямо здесь?

— А где? В Большом театре?

Девушка с тушью прыснула от смеха. Катя поднялась.

— Я выйду, если тебе так легче.

— Нет.

Мне вдруг стало важно не показать, насколько я напугана. Ирина включила музыку с телефона. Первые несколько секунд я стояла неподвижно. Потом заставила себя начать двигаться. Не так, как девушки в зале. Просто в ритм. Я вспомнила школьные дискотеки, танцы дома перед зеркалом, летние вечера с подругами. Постепенно тело перестало казаться чужим. Ирина смотрела без выражения. Когда музыка закончилась, она сказала:

— Нормально.

Я не поняла, хорошо это или плохо.

— Рост хороший. Лицо запоминающееся. Двигаться на-

учишься. Если сама не зажмёшься.

— То есть?

— То есть можешь попробовать.

У меня пересохло во рту. Я почему-то ожидала, что после этих слов почувствую облегчение. Вместо этого стало страшнее. Катя подошла ближе.

— Не обязана соглашаться сейчас.

Ирина кивнула.

— Можешь прийти завтра. Смена с девяти. Посмотришь изнутри, без сцены, если хочешь. Потом решишь.

— А деньги?

Вопрос вырвался сам. Ирина впервые улыбнулась.

— Вот теперь разговор предметный.

Она объяснила проценты, чаевые, оплату частных танцев. Суммы звучали нереально. Даже если взять самый неудачный вечер, выходило больше, чем я получала в кафе за несколько смен. Я слушала и мысленно уже считала. Аренда. Проезд. Учебники. Еда. Мне было стыдно не за клуб. За то, как быстро страх начал превращаться в арифметику.

— Подумай, — сказала Ирина. — И ещё. Имя.

— Что имя?

— Алевтина для сцены не подходит.

— Почему?

— Потому что мужчина не должен вспоминать половину вечера, как тебя зовут.

Я почувствовала неожиданное раздражение.

— Мне нравится моё имя.

— И правильно. Оставь его себе.

Она посмотрела на меня в зеркало.

— Здесь будешь Евой.

— Почему Евой?

— Коротко. Запоминается. И мужчинам нравится думать, что они первые.

Девушки снова рассмеялись. Я тоже улыбнулась, хотя внутри что-то неприятно сжалось. Ева. Чужое имя. Как будто между мной и этим местом сразу поставили маленькую перегородку. Тогда мне это даже понравилось. Если здесь будет Ева, значит, Алевтина останется где-то снаружи. В университете. В комнате с Катей. В разговорах с мамой. В той жизни, где я всё ещё была собой. На следующий вечер я вернулась. До последней минуты могла не прийти, но пришла. Катя встретила меня уже в гримёрной.

— Ну что, Ева?

— Не называй меня так.

— Скоро привыкнешь.

— Не привыкну.

— Все так говорят.

Она протянула мне короткий чёрный халат.

— Переодевайся.

— Во что?

— Пока в это. Ирина сказала, сначала просто посмотришь.

Я сняла джинсы, сложила их на стул и почувствовала себя почти голой, хотя халат доходил до середины бедра. Вокруг девушки спокойно переодевались, поправляли чулки, клеили ресницы, спорили из-за помады, заказывали еду. Никто не выглядел ни несчастным, ни особенно счастливым. Они просто собирались на работу. Одна девушка ругалась с сыном по телефону из-за домашнего задания. Другая обсуждала ипотеку. Третья показывала фотографию кота, который разорвал новые шторы. Я слушала их и не могла совместить эти разговоры с местом, где находилась.

Наверное, именно тогда я впервые поняла, насколько легко человек может жить сразу несколькими жизнями. Катя посадила меня перед зеркалом.

— Накрась глаза ярче.

— Я так никогда не крашусь.

— Потому что днём такой свет не нужен.

Она взяла кисточку и провела по моему веку.

— Смотри.

Я посмотрела на себя. В зеркале была я, но как будто чуть другая. Глаза темнее. Скулы резче. Губы ярче.

— Слишком, — сказала я.

— В зале будет нормально.

Ирина появилась у двери.

— Ева, идём.

Я вздрогнула.

— Я?

— Нет, другая Ева, которая пришла вчера.

Катя улыбнулась.

— Иди.

Мы остановились за кулисой. Музыка была настолько громкой, что Ирина наклонилась почти к моему уху.

— Просто выйдешь, пройдёшь по сцене, немного потанцуешь. Ничего сложного.

— Вы же сказали, я просто посмотрю.

— Ты уже посмотрела. Теперь попробуй. Если не сможешь — уйдёшь.

Я хотела сказать, что не готова. Вместо этого спросила:

— Сейчас?

— Сейчас.

Передо мной на сцену вышла девушка в серебристом костюме. Я слышала, как мужчины хлопают. Потом музыка сменилась. Ирина слегка подтолкнула меня в спину.

— Дыши.

Я вышла. Свет ударил в глаза так сильно, что первые секунды я почти ничего не видела. Только тёмные силуэты за столиками. Сердце билось где-то в горле. Я сделала несколько шагов. Мне казалось, что все смотрят только на меня. Что видят, как дрожат мои колени. Что знают, что я студентка, что у меня на карте почти нет денег, что мама думает, будто я сейчас сижу над конспектами. Потом музыка словно отодрнула мысли. Я начала двигаться. Не идеально. Не смело. Но достаточно, чтобы не остановиться. Кто-то хлопнул. По-

том ещё кто-то.

Я подняла глаза. И вдруг почувствовала странное. Не стыд. Власть. На меня смотрели мужчины, которые, возможно, зарабатывали в десятки раз больше моего отца. Мужчины в дорогих костюмах, с часами, стоимость которых я даже не могла представить. И в эти несколько минут они смотрели туда, куда я позволяла им смотреть. Тогда мне показалось, что контроль принадлежит мне. Я не знала, насколько дорого потом заплачу за эту ошибку. Когда музыка закончилась, я почти убежала за кулисы. Катя стояла там и улыбалась.

— Ну?

— Ужас.

— Врёшь.

— Почему?

— Потому что улыбаешься.

Я коснулась лица и поняла, что действительно улыбаюсь.

— Это от нервов.

— Конечно.

Ирина подошла и протянула мне стакан воды.

— Для первого раза нормально.

Я выпила почти залпом.

— Всё?

— Нет. Теперь поработай в зале.

— В каком смысле?

— Просто поговори с гостями. Ничего больше.

Мне снова стало страшно. На сцене между мной и мужчи-

нами было расстояние. В зале его не было. Катя поправила мне волосы.

— Если не нравится человек — уходишь к другому столику. Если проблема — смотришь на бар. Охрана увидит.

Я кивнула. Первый столик я обошла. Второй тоже. У третьего сидел мужчина лет шестидесяти. Один. В сером костюме. Перед ним стоял виски, но он почти не пил. Когда я проходила мимо, он поднял руку.

— Девушка.

Я остановилась.

— Да?

— Можно вас пригласить?

Мне хотелось сказать «нет». Но я посмотрела на бар, потом на Катю в другом конце зала и села напротив.

— Как вас зовут? — спросил он.

Я чуть не ответила автоматически.

— Ева.

Имя прозвучало странно.

— Красивое имя.

— Спасибо.

Он заказал мне сок.

— Вы недавно здесь?

Я напряглась.

— Почему вы так решили?

— Потому что смотрите на дверь каждые тридцать секунд.

Я смутилась. Он улыбнулся.

— Не бойтесь. Я старый человек. Мне сегодня больше хочется поговорить, чем удивлять вас своими достижениями.

Я невольно рассмеялась.

— А обычно мужчины здесь удивляют?

— Они очень стараются.

Он говорил спокойно. Рассказал, что приехал по работе, что жена умерла несколько лет назад, что дочь живёт в другом городе и почти не звонит. Потом вдруг спросил, люблю ли я читать.

— Да.

— Что?

Я назвала несколько книг. Он удивился.

— Не ожидал.

Я сразу напряглась.

— Почему?

Он понял ошибку.

— Потому что я вообще мало от кого теперь ожидаю, что они читают. Не из-за вас.

Я не знала, верить ли. Мы просидели почти час. Он ни разу не коснулся меня. Не предложил ничего за пределами разговора. Не спросил, сколько мне лет на самом деле и почему я здесь. Когда он уходил, положил на стол несколько купюр.

— Это вам.

Я посмотрела на деньги.

— За что?

Он улыбнулся.

— За компанию. Вы же здесь работаете.

Я взяла их не сразу. Сумма была больше, чем я получала за одну смену в кафе. За час разговора. У меня внутри что-то окончательно сдвинулось. Когда мужчина ушёл, я подошла к Кате.

— Он ничего не хотел.

— Бывает.

— Просто разговаривал.

— Бывает и такое.

Я показала ей чаевые. Катя кивнула.

— Нормально.

— Нормально?

— Для первого вечера — очень.

Я ещё раз посмотрела на купюры. Аренда больше не казалась катастрофой. Учебник можно было купить. Можно было перестать считать каждую поездку в метро. Я почувствовала облегчение настолько сильное, что оно почти вытеснило страх. К концу ночи ноги болели так, будто я прошла несколько десятков километров. Голова гудела от музыки. Макияж казался маской, которую хотелось смыть вместе с усталостью. В гримёрной девушки снова стали обычными. Кто-то натягивал джинсы. Кто-то звонил таксисту. Кто-то жаловался, что сегодня мало заработала.

Я сняла ресницы и долго смотрела на своё лицо в зеркало.

Без яркого света я снова становилась Алевтиной.

— Ну? — спросила Катя, застёгивая сапоги. — Больше никогда?

Я хотела ответить так же уверенно, как несколько дней назад. Не получилось.

— Не знаю.

Катя посмотрела на меня через зеркало.

— Это уже честнее.

На улице было почти пять утра. Город выглядел совершенно другим. Пустые дороги, редкие машины, холодный воздух. Я шла к такси и сжимала в сумке деньги, заработанные за одну ночь. Мне было стыдно. Мне было страшно. Но сильнее всего я чувствовала облегчение. И именно это было опаснее всего. Потому что по дороге домой я впервые подумала:

«Может быть, я зря всего боялась».

Глава 6. Ночные мужчины

Через неделю после первого выхода я уже знала, что за дверью гримёрной время идёт иначе. До полуночи кажется, что ночь только начинается. В два часа — будто она никогда не закончится. К четырём утра лица мужчин сливаются в одну усталую галерею, а музыка становится не громкой, а просто вечной. Я всё ещё вздрагивала, когда администратор называла моё новое имя.

— Ева, столик двенадцать.

Первые секунды я каждый раз забывала, что это ко мне. Алевтина оставалась где-то снаружи: в университете, в автобусе, в сообщениях от мамы, в дешёвой кружке на нашей кухне. Внутри клуба была Ева. Она улыбалась увереннее, чем я. Умела смотреть в глаза дольше, чем мне было привычно. И, главное, делала вид, что ничего не боится. Я быстро поняла: мужчины приходят в клуб не только за женским телом. Иногда — совсем не за ним. Первым в тот вечер был мужчина лет сорока пяти в дорогом сером костюме. Он позвал меня жестом, не поднимаясь со своего места.

— Садись.

Я села напротив. Он даже не спросил моего имени.

— Шампанское будешь?

— Нет, спасибо.

— Почему?

— Не хочу.

Он посмотрел на меня так, будто услышал что-то забавное.

— Здесь разве спрашивают, чего вы хотите?

Я не сразу нашлась с ответом.

— Обычно да.

Он усмехнулся.

— Новенькая.

Это прозвучало не вопросом. Мужчина достал из кармана пачку купюр и положил одну на стол.

— Улыбнись.

Я улыбнулась. Он положил ещё одну.

— Вот. Уже лучше.

Не было ни прикосновений, ни прямой грубости. Но мне стало неприятно. Не от денег — от того, как просто он решил, что ими можно включать и выключать моё лицо.

— А теперь встань, — сказал он.

— Зачем?

— Хочу посмотреть.

Я осталась сидеть. Он приподнял брови.

— Ты не поняла?

— Поняла.

— Тогда?

Я почувствовала, как внутри просыпается упрямство.

— Если хотите танец, его можно заказать через администратора.

Мужчина несколько секунд смотрел на меня. Потом рас-
смеялся.

— Характер есть.

Он забрал одну купюру обратно.

— Но дорого обойдётся.

Я ушла от столика с неприятным холодком внутри. В гри-
мёрной Катя красила губы.

— Серый костюм? — спросила она, не оборачиваясь.

— Откуда знаешь?

— Он всех новых проверяет.

— На что?

— На то, сколько можно себе позволить.

— И если позволить?

Катя посмотрела на меня через зеркало.

— Тогда он запомнит.

— А если не позволить?

— Тоже запомнит.

Я не поняла, хорошо это или плохо.

— Ты всегда отвечаешь так, чтобы после ответа появля-
лось ещё больше вопросов?

— Это профессиональное.

Она улыбнулась и вышла. Следующим оказался молодой
парень, почти моего возраста. Он сидел с тремя друзьями,
все были шумные, уже сильно выпившие и очень довольные
собой.

— Ева! — крикнул один из них, прочитав моё имя на кар-

точке администратора. — Иди сюда!

Я подошла.

— Сколько тебе?

— Девятнадцать.

— Правда?

— Правда.

Он повернулся к друзьям.

— Я же говорил, студентки тут работают.

Мне захотелось уйти сразу.

— А где учишься? — спросил он.

— Это имеет значение?

— Я просто интересуюсь.

— Тогда считайте, что нигде.

Друзья засмеялись. Парень обиделся.

— Что ты такая важная? Ты же здесь работаешь.

Эта фраза была новой. Потом я услышу её в десятках вариантов.

«Ты же здесь работаешь».

Как будто место автоматически отменяло право на раздражение, усталость, отказ, настроение и достоинство. Я ещё не знала, насколько опасной может быть эта логика. Пока она просто бесила.

— Да, работаю, — ответила я. — И что?

— Ничего. Просто будь попроще.

— А ты будь повежливее.

Он открыл рот, но его друг рассмеялся первым.

— Оставь её. Она тебя сейчас съест.

Я ушла. Администратор поймала меня возле бара.

— Ева.

— Что?

— Поменьше характера с гостями.

— Он хамил.

— Они все иногда хамят.

— И что, терпеть?

Она вздохнула.

— Не терпеть. Управлять ситуацией. Есть разница.

— Какая?

— Огромная. Ты можешь поставить мужчину на место так, чтобы он заказал ещё бутылку. А можешь так, что он уйдёт и напишет жалобу.

— То есть главное — бутылка?

— Главное — понимать, где ты работаешь.

Она сказала это без злости. Я промолчала. Третий мужчина удивил меня больше всех. Он пришёл один. Лет пятьдесят, может, чуть старше. Невысокий, полный, в очках. Сначала долго сидел у бара и вообще ни на кого не смотрел. Потом позвал меня.

— Вы можете просто посидеть?

— Могу.

— Без танца.

— Хорошо.

— И без этих... — он неопределённо махнул рукой в сто-

рону сцены. — Просто посидеть.

Я села. Минут пять мы молчали. Это было страннее любого разговора.

— У вас всё хорошо? — спросила я наконец.

Он усмехнулся.

— Если мужчина пришёл сюда один во вторник ночью, как вы думаете?

— Не знаю.

— Правильный ответ.

Он заказал чай. Чай в стриптиз-клубе показался мне почти абсурдным.

— Жена умерла два года назад, — сказал он неожиданно.

— С тех пор дома тихо.

Я не знала, что отвечать.

— Соболезную.

— Все соболезнают. Толку никакого.

Он достал телефон и показал мне фотографию женщины лет пятидесяти. Она стояла у моря в большой соломенной шляпе.

— Красивая, — сказала я.

— Была.

— Почему была? На фотографии она красивая.

Он посмотрел на меня и впервые улыбнулся.

— Хороший ответ.

Мы просидели почти сорок минут. Он рассказывал о дочери, которая живёт в другом городе, о собаке, которую жена

когда-то принесла домой против его воли, о том, как ненавидит готовить на одного. Перед уходом положил деньги на стол.

— За что? — спросила я.

— За компанию.

— Но я ничего...

— Именно.

Он ушёл. Я смотрела на купюры и не понимала, почему эта встреча растрогала меня сильнее, чем должна была. Наверное, потому что впервые увидела: одиночество тоже платит деньги. Позже подошёл мужчина с обручальным кольцом. Он был весел, разговорчив и с первых минут начал рассказывать про жену.

— Она у меня красавица. Вот.

Он показал фотографию. Женщина на снимке держала за руку маленькую девочку.

— Это дочь?

— Да. Пять лет.

— Симпатичная.

— Вся в меня.

Он засмеялся, а через минуту положил руку мне на колено. Я мягко убрала её.

— Не надо.

— Да ладно тебе.

— Правда не надо.

Он не обиделся. Просто взял стакан.

— Жена тоже всё время говорит «не надо».

— Может, стоит иногда слушать?

Он посмотрел на меня, потом неожиданно рассмеялся.

— Слушай, а ты смешная.

— Спасибо.

— Нет, правда. Умная ещё.

— Это мешает?

— Здесь? Иногда.

Он продолжил рассказывать про семью, словно мы сидели не в клубе, а где-нибудь в аэропорту. Я слушала и не могла понять, что привело его сюда: желание изменить жене, скука, необходимость почувствовать себя свободным или просто привычка доказывать самому себе, что он ещё кому-то интересен. В ту ночь я впервые задумалась, что мужчина может любить жену и всё равно сидеть рядом с другой женщиной. Тогда мне казалось, что это противоречие. Позже я пойму: люди прекрасно живут с противоречиями. Иногда десятилетиями. Ближе к двум часам в клуб пришла компания из пяти мужчин. Один из них сразу привлёк внимание — высокий, громкий, с дорогими часами и привычкой разговаривать так, чтобы слышал весь зал.

Они заказали много алкоголя. К ним подходили разные девушки. Я в это время стояла у бара и разговаривала с барменом. Потом услышала резкий женский голос.

— Уберите руку.

Я обернулась. За столиком стояла Лиза — одна из танцов-

щиц. Мужчина с часами держал её за запястье.

— Чего ты дёргаешься? — говорил он. — Я заплатил.

— Вы заплатили за танец. Отпустите.

Он сжал руку сильнее.

— Не строй из себя.

Вокруг будто никто ничего не замечал. Или делал вид. Я сама не поняла, почему пошла к ним.

— Она сказала отпустить.

Мужчина повернулся.

— А ты кто?

— Никто. Отпустите её.

Лиза посмотрела на меня почти испуганно.

— Ева, всё нормально.

Ничего нормального не было.

— Слышала? — мужчина ухмыльнулся. — Иди гуляй.

Я увидела охранника у стены.

— Сейчас позову охрану.

— Зови.

Он сказал это спокойно, уверенно. Так, будто был уверен, что охрана тоже принадлежит ему. Я уже повернулась, когда Лиза резко высвободила руку.

— Всё, я ухожу.

Мужчина что-то крикнул ей вслед. Охранник наконец подошёл. Они обменялись несколькими словами. Через минуту компания продолжала пить, будто ничего не произошло. Я нашла Лизу в гримёрной. На запястье оставался красный

след.

— Больно?

— Пройдёт.

— Почему его не выгнали?

Лиза посмотрела на меня как на ребёнка.

— Потому что он оставляет здесь за ночь больше, чем мы с тобой заработаем за месяц.

— И что?

— Ничего.

— Но он тебя схватил.

— Ева, забудь.

Мне стало жарко.

— Я бы пожаловалась.

— Кому?

Я не нашлась. В дверях появилась администратор.

— Ева, выйди.

Я вышла за ней в коридор. Она закрыла дверь.

— Что ты делаешь?

— Он держал её.

— Я видела.

— Тогда почему...

— Потому что Лиза сама умеет решать.

— Она сказала, чтобы он отпустил.

— И он отпустил.

— После того как...

Администратор перебила:

— Запомни одно правило. Здесь не надо никого спасать.

— Почему?

— Потому что сначала ты полезешь спасать Лизу. Потом мужчину, который плачет про жену. Потом девочку из соседней гримёрки. А через месяц обнаружишь, что все чужие проблемы носишь домой.

— И что, просто смотреть?

— Нет. Если опасно — зовёшь охрану. Если нарушают правила — зовёшь меня. Но не становишься героиней.

— Очень удобно.

Она устало посмотрела на меня.

— Это не удобство. Это граница.

Я промолчала. Тогда мне её слова не понравились. Мне казалось, что хорошие люди обязаны вмешиваться, если кому-то плохо. Я ещё не понимала, что в ночном мире сочувствие без границ может стать такой же слабостью, как страх. Через час ко мне подсел ещё один мужчина. Молодой, трезвый, хорошо одетый.

— Можно вопрос?

— Можно.

— Тебе самой здесь нравится?

Я чуть не рассмеялась.

— Почему все задают вопросы, на которые не хотят слышать честный ответ?

— А я хочу.

Я посмотрела на него.

— Пока не знаю.

— Давно работаешь?

— Недавно.

— Ясно.

— А вы давно сюда ходите?

Он улыбнулся.

— Вот это хороший вопрос.

— И?

— Недавно.

— Верю.

— Почему?

— Вы тоже слишком много спрашиваете.

Он засмеялся. Разговор оказался лёгким. Он не прикасался, не командовал, не демонстрировал деньги. Перед уходом оставил чаевые и сказал:

— Береги характер. Здесь, наверное, его быстро пытаются купить.

Я запомнила эту фразу. В четыре утра я переодевалась в гримёрной. Ноги гудели. На столе лежали заработанные деньги. В другую ночь сумма показалась бы мне огромной. Теперь я смотрела на неё иначе. За несколько часов я увидела мужчину, который покупал улыбку; мальчишку, уверенного, что работа в клубе отменяет уважение; вдовца, которому нужна была просто тишина рядом с живым человеком; мужа и отца, флиртующего с чужой женщиной; богатого грубияна, для которого деньги были разрешением нарушать

границы. И ещё десятки тех, кого я уже не могла вспомнить.

Катя сидела рядом и снимала туфли.

— Ну что? — спросила она.

— Что?

— Как тебе люди?

— Какие именно?

Она улыбнулась.

— Вот. Уже учишься.

Я посмотрела на своё отражение. Ева в зеркале выглядела старше Алевтины. Всего на несколько ночей. Но старше.

— Кать.

— М?

— Ты правда никогда никого здесь не спасаешь?

Она задумалась.

— Иногда.

— А администратор сказала...

— Администратор правильно сказала.

— Тогда почему?

Катя надела свитер.

— Потому что правильно — не всегда получается.

Мы вышли из клуба почти на рассвете. На улице было холодно и удивительно тихо. Город, который ночью казался бесконечным, начинал обычное утро. Дворники убирали тротуары. Открывалась кофейня. По дороге ехал первый автобус. Я вдохнула свежий воздух.

— Устала? — спросила Катя.

— Очень.

— Привыкнешь.

Я не ответила. Мне тогда казалось, что привыкнуть — значит научиться ходить на каблуках, не морщиться от громкой музыки и правильно разговаривать с мужчинами. Я ещё не знала, что самое страшное привыкание начинается не с тела. Оно начинается в тот момент, когда вещи, которые раньше казались невозможными, становятся просто частью рабочего вечера.

Глава 7. В восемь утра

В восемь утра университет выглядел почти неприлично бодрым. Я ненавидела его за это. Белые стены, яркий свет в коридорах, запах кофе из автомата, громкие голоса студентов — всё существовало так, будто ночь была придумана для сна, а не для музыки, каблуков, чужих рук на столе и бесконечных разговоров, которые заканчивались только под утро. Я вошла в аудиторию за две минуты до начала лекции и села на последнее свободное место. Катя осталась дома. У неё первая пара была позже. Мне повезло меньше. Я почти не спала. Мы вышли из клуба около пяти. Пока доехали домой, пока смыла косметику, пока перестала слышать музыку внутри головы, часы показывали уже половину седьмого.

Я легла на сорок минут. Проснулась от будильника с ощущением, что меня ненавидит весь мир.

— Ты живая? — спросила Катя, не открывая глаз.

— Нет.

— Тогда не забудь закрыть дверь, когда уйдёшь.

Я бросила в неё подушкой. Теперь, сидя в аудитории, я понимала, что это было последнее проявление энергии на ближайшие несколько часов. Профессор Савельев вошёл ровно в восемь. Я знала его пока только как преподавателя, которого студенты не любили опаздывать. Он говорил тихо, никогда не повышал голос и именно поэтому умел сделать за-

мечание так, что человек предпочёл бы, чтобы на него накричали.

— Доброе утро, — сказал он.

Аудитория ответила нестройным гулом.

— Судя по вашим лицам, утро доброе не для всех.

Кто-то засмеялся. Я опустила глаза в тетрадь. Савельев начал лекцию. Первые десять минут я честно записывала. Потом буквы стали расплываться. Я моргнула. Ещё раз. Голос профессора становился всё дальше, хотя он стоял всего в нескольких метрах. Я прижала ладонь к щеке. Нужно было продержаться хотя бы до перерыва. В клубе я могла четыре часа подряд улыбаться человеку, которого видела впервые. Могла стоять на каблуках так долго, что переставала чувствовать пальцы ног. Могла слушать истории про несчастливые браки, бизнес, любовниц и предательство.

А здесь проигрывала обычной лекции. Я не заметила, как закрыла глаза.

— Алевтина.

Я вздрогнула. Аудитория была тихой. Савельев смотрел прямо на меня.

— Простите.

— Не стоит. Вы не мне мешали.

Несколько человек повернулись. Мне стало жарко.

— Я не спала.

Сказала и сразу поняла, насколько глупо это прозвучало. Уголок его рта чуть дрогнул.

— Именно это я и заметил.

По аудитории прошёл смешок. Я выпрямилась.

— Если вам трудно присутствовать на занятиях утром, возможно, стоит пересмотреть вечерний распорядок.

Он сказал это совершенно спокойно. Я ничего не ответила.

— Или университетский, — добавил он. — Иногда люди просто ошибаются с выбором режима жизни.

Теперь засмеялось уже больше студентов. Я смотрела в тетрадь. Хотелось провалиться под стол. Ночью мужчина, потративший за вечер сумму, о которой профессор, возможно, даже не подозревал, обращался ко мне на «вы» и спрашивал, не устала ли я. Утром человек, который должен был учить меня профессии, сделал из моей усталости маленький спектакль для аудитории. Я тогда впервые поймала себя на этом сравнении. И испугалась его. Потому что ещё недавно мир делился у меня очень просто. Университет — правильная жизнь. Клуб — неправильная.

Теперь граница начинала расползаться. После пары я вышла в коридор первой. Хотела умыться холодной водой.

— Аля!

Я обернулась. Меня догнала Света из нашей группы.

— Ты вчера где была?

— Работала.

— Всю ночь?

— Почти.

— Где?

Вопрос прозвучал слишком легко.

— В кафе.

Ложь вышла так быстро, что я сама удивилась.

— С ума сошла, — сказала Света. — Я бы умерла.

— Я тоже почти.

Она засмеялась.

— Пойдём кофе возьмём.

Я посмотрела на автомат. Ещё месяц назад я бы отказалась из-за цены. Теперь машинально сунула купюру. И вдруг замерла. Раньше эта сумма была для меня маленьким решением. Кофе или автобус. Кофе или булочка. Кофе или оставить на завтра. Сегодня я даже не подумала. Стакан выпал в отсек. Я взяла его и почувствовала неожиданное удовольствие. Не от кофе. От того, что могла купить его, не считая. Это было очень маленькое чувство свободы. И очень опасное.

— Ты чего улыбаешься? — спросила Света.

— Ничего.

Мы пошли по коридору. На следующей паре я держалась лучше. После неё нужно было идти в библиотеку. Потом на семинар. Телефон завибрировал. Сообщение от администратора клуба:

«Сегодня выйдешь?»

Я смотрела на экран. Вчера договаривались, что следующий выход у меня только через день. Я могла отказаться.

Наверное, должна была. В голове сразу возникли деньги. Не музыка. Не мужчины. Деньги. За одну дополнительную ночь я могла оплатить проезд почти на месяц. Купить пособия. Не трогать мамин конверт. Я написала:

«Да».

И только после отправки сообщения вспомнила, что завтра снова первая пара. Днём я встретила Катю в столовой. Она смотрела на меня с подозрением.

— Ты почему здесь?

— Учусь вообще-то.

— Ты должна была спать.

— Когда?

— Например, вместо того чтобы сидеть на семинаре с лицом человека, которого только что воскресили.

— Всё нормально.

— Вот эту фразу надо запретить.

Я взяла поднос.

— Сегодня опять выхожу.

Катя остановилась.

— Зачем?

— Позвали.

— Я поняла, что не из-за любви к искусству. Зачем согласилась?

— Деньги.

— У тебя аренда закрыта.

— Есть ещё жизнь.

Катя помолчала.

— Только смотри, чтобы жизнь не превратилась в оплату жизни.

— Очень философски.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Я взяла салат. Потом мясо. Потом увидела десерт. Раньше я бы прошла мимо. Теперь положила его на поднос. Катя заметила.

— Вот оно.

— Что?

— Началось.

— Что началось?

— Деньги стали легче.

— И что в этом плохого?

— Ничего. Пока ты помнишь, сколько они тебе стоят.

Я закатила глаза. Тогда мне казалось, что Катя драматизирует. Через несколько месяцев я сама буду считать стоимость почти всего не в рублях, а в ночах. Платье — одна хорошая смена. Телефон — две. Аренда — несколько. Так деньги постепенно перестают быть деньгами. Они превращаются во время. А время — в тебя. Но тогда я этого ещё не понимала. Вечером перед работой я попыталась поспать. Не получилось. Организм словно перестал понимать, когда ему положено отдыхать. Я лежала с закрытыми глазами и слышала, как Катя собирается.

— Может, не пойдёшь? — спросила она.

— Почему?

— Потому что ты уже двое суток почти не спишь.

— Выдержу.

— Это не олимпийская дисциплина.

Я открыла глаза.

— Кать, мне нужны деньги.

— Всем нужны.

— Тогда почему ты сама идёшь?

Она посмотрела на меня.

— Потому что я уже давно в этом режиме. А ты пока думаешь, что тебя можно разделить на две части.

— Какие?

— Днём Аля. Ночью Ева.

— А разве не так?

Катя застегнула сапог.

— Посмотрим.

В клубе я действительно проснулась. Это поразило меня. Стоило войти в гримёрную, услышать музыку, включить яркий свет у зеркала — и усталость словно отступила. Тело нашло где-то ещё один запас энергии. Я нарисовалась. Переделалась. Посмотрела на себя. Ева выглядела так, будто спала десять часов. Это была одна из первых вещей, которым я там научилась: лицо иногда врёт убедительнее человека. Ночь оказалась удачной. Мужчина за одним из столиков несколько раз заказывал мне напиток, хотя сам почти не пил. Другой

оплатил два танца.

Третий просто разговаривал. Никто не хамил. Никто не переходил границ. Под утро я открыла шкафчик и пересчитала деньги. Один раз. Потом второй. Мне показалось, что я ошиблась. Сумма была больше, чем я рассчитывала. Я села на маленький стул. Перед глазами сразу появились цифры. Комната — оплачена. Проезд — можно купить сразу на месяц. Учебники — без проблем. Можно отправить немного родителям. Последняя мысль заставила меня улыбнуться. Маме. Я представила, как скажу ей, что получила премию в кафе. Ложь уже строилась сама.

— Хорошая ночь? — спросила Лиза.

Она переодевалась рядом.

— Очень.

— Не привыкай.

— Все здесь любят пугать новеньких?

— Нет. Просто плохие ночи легче переживать, если не считаешь хорошие нормой.

Я убрала деньги. По дороге домой зашла в круглосуточный магазин. Купила продукты. Не самые дешёвые. Нормальные. Йогурт. Сыр. Фрукты. Кофе. На кассе сумма оказалась больше, чем я привыкла тратить. Я заплатила. И не почувствовала страха. На улице начинало светать. До первой пары оставалось чуть больше двух часов. Я могла пропустить. Мысль была очень соблазнительной. Но именно этого я боялась. Если начну пропускать, всё станет слишком про-

сто. Сначала одну лекцию. Потом две. Потом зачем вообще университет, если за ночь можно заработать больше, чем молодой специалист получает за неделю?

Я ещё не знала, что этот вопрос мне однажды действительно придётся себе задать. Поэтому поехала на учёбу. В туалете университета сняла яркую помаду. Собрала волосы. Надела сверху свитер. Несколько минут смотрела в зеркало. На меня смотрела Аля. Но я уже знала, как выглядит Ева. Первая пара была у Савельева. Я вошла заранее и села ближе к окну. На этот раз приготовила кофе. Тетрадь. Ручку. Всё как у нормального человека. Савельев вошёл. Посмотрел на аудиторию. Его взгляд на мгновение задержался на мне.

— Сегодня все бодры?

Несколько человек засмеялись. Я тоже улыбнулась. Не потому, что было смешно. Просто ночью я научилась улыбаться тогда, когда это было выгоднее, чем показывать настоящее лицо. Лекция началась. Я записывала каждое слово. Через сорок минут буквы снова поплыли. Я сжала ручку сильнее.

Нет.

Только не сейчас. Но организм уже не интересовало, сколько я заработала. Он просто выключил меня. Я очнулась от собственного резкого движения. Ручка упала на пол. Савельев замолчал. Все посмотрели.

— Алевтина, — произнёс он, — боюсь, университет не предоставляет студентам ночлег.

Кто-то засмеялся. Я наклонилась за ручкой.

— Простите.

— Это уже второй раз.

— Я знаю.

— Тогда, возможно, в третий раз вы выберете сон вместо моей лекции.

Я подняла голову.

— Возможно.

Он явно не ожидал ответа. В аудитории стало тихо. Я сама удивилась себе. Ещё месяц назад я бы покраснела и молчала. Теперь почему-то не хотела. Савельев прищурился.

— Смело.

— Просто устала.

— Усталость — не привилегия.

— Я и не говорила, что привилегия.

Он смотрел на меня секунду дольше, чем требовал разговор. Потом отвернулся к доске.

— Продолжим.

После лекции я вышла последней. Савельев складывал бумаги.

— Алевтина.

Я остановилась.

— Да?

— Если у вас проблемы, мешающие учёбе, их лучше решить сейчас.

Тон был уже не насмешливым.

— У меня нет проблем.

— Тогда странно, что вы всё время выглядите так, будто живёте вторую жизнь.

Сердце ударило сильнее. Я заставила себя улыбнуться.

— Вам показалось.

Он ничего не ответил. Я вышла. В коридоре было шумно. Телефон завибрировал. Сообщение от банка: деньги поступили на карту после внесения наличных. Я посмотрела на баланс. Никогда прежде на моём счёте не было такой суммы. Ещё несколько дней назад я выбирала между автобусом и кофе. Теперь могла оплатить комнату вперёд, купить всё нужное и перестать просыпаться с мыслью о деньгах. Я должна была чувствовать облегчение. И чувствовала. Но вместе с ним пришло другое. Гордость. Очень тихая. Очень тёплая. Я справилась сама.

Ни Кирилл. Ни родители. Никто. Я. Я ещё не задавала себе вопрос, какой именно ценой. В девятнадцать лет мы редко считаем цену того, что впервые заставляет нас почувствовать себя сильными.

Глава 8. Профессор Савельев

После разговора в пустой аудитории Савельев стал замечать меня чаще. Сначала я решила, что это только кажется. Когда человек однажды говорит тебе: «Вы выглядите так, будто живёте вторую жизнь», потом невольно ловишь каждый его взгляд и думаешь, не догадался ли он о чём-то ещё. Но Савельев ничего не знал. По крайней мере, тогда. Он просто начал задавать мне больше вопросов на семинарах.

— Алевтина, как вы считаете?

Или:

— Алевтина, продолжите мысль.

Иногда я отвечала хорошо. Иногда путалась. После ночной смены мысли двигались медленнее, чем обычно, и мне приходилось держать себя в руках, чтобы не выдать усталость. Савельев был одним из тех преподавателей, перед которыми студенты автоматически выпрямлялись. Ему было, наверное, около пятидесяти. Седина на висках, спокойный голос, дорогие очки, аккуратные рубашки. Никогда не кричал. Никогда не суетился. Именно поэтому его холодное «подумайте ещё» иногда звучало хуже любого выговора. Я знала, что на кафедре его уважают.

Студенты — скорее боялись. Однажды после семинара он задержал мою работу у себя.

— Хороший текст.

Я уже собирала вещи.

— Спасибо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.